

Санкт-Петербург

ББК 84 (2Рос=Рус) 6
УДК 82.32
Г52

«

Глаголитерра

Г52   Глаголитерра. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ»,
2011. — 384 с. — («Антология короткого рассказа»).

ISBN: 978-5-00025-005-1

Очередной том книжной серии «Антология короткого рассказа» собрал в себя небольшие рассказы современных авторов, рассматривающих жизнь в нашем мире под самыми разными, временами весьма неожиданными, углами. Книга рекомендуется всем любителям русской словесности.

ББК 84 (2Рос=Рус) 6
УДК 82.32
Г52

ISBN: 978-5-00025-005-1

© Коллектив авторов, 2013
© ИТД «СКИФИЯ», 2013

Все тексты печатаются в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках маленькое печатное чудо, созданное целым коллективом авторов.

Сборник «Глаголитерра» является четвертым по счету томом серии «Антология короткого рассказа», выходящей в издательстве «Скифия» с 2011 года. Предыдущие тома: «Азбукадабра», «Букватория», «Вернословие» вызвали интерес в литературном мире и собрали хорошие читательские отзывы. Поэтому литературная серия «короткого пера» продолжается.

Серия «Антология короткого рассказа» объединяет авторов, специализирующихся в области малой прозаической литературной формы и публикующихся, главным образом, в интернете. Не стану утверждать, что авторы равноценны по литературному и жизненному опыту. Для многих из них наш альманах вообще является «пробой сил». Но все наши писатели – и совсем молодые, и зрелые – **ОЧЕНЬ РАЗНЫЕ**. По стилю, по характеру, по темпераменту. По пониманию жизни, если хотите. Безусловно, каждый, по-своему, интересен как личность. И в этом, на мой взгляд, основная ценность книги. Наша жизнь многогранна: в ней есть место мистике и реальности, сатире и философии, любви и ненависти, добру и злу. Все это можно найти в нашей книге.

В добрый час.

Татьяна Помысова, редактор серии

PS:

!

k304@bk.ru

Михаил Порягин

Сталкеры глаголитерры

Глаголитерра — очень емкое словосочетание. Формула апологии огня.

Мне видится, как по красной поутру или желтовато-бурой посреди дня железистой глине идут огненные глаголы, которые в этой зыбкой мокрой глине выжигают терракотовую твердь, Острова Небесного Огня. Сегодня я слышу их шаги, звонкие отголоски глаголов.

***

— Нехорошо слушать чужие разговоры, — сказал я Сензару. — Меня за это били.

— Не будешь слушать — умрешь, — грустно усмехнулся он. И попросил: — Сыграй мне что-нибудь из балета о черных дроздах.

***

Так сказано там, куда мы идем, так написано на полях рукописи, которую я назвал для себя «Тетрадь Алтайского Сталкера». Эту рукопись я нашел в недостроенной гостинице поселения Усть-Кокса. Мы там ночевали после возвращения, или, точнее, поспешного бегства из Верхнего Уймона. Это Горный Алтай, долина в верховьях реки Катунь, в трех днях пешего пути до вершины горы Белухи. Мы туда решили взойти в день моего 50-летия. Просто так. Решили и пошли. Это лишний раз подтверждает, что с возрастом ума не прибавляется. Иногда мне кажется, что я — Старый Ребенок, Лао-Цзы в новом воплощении. Но только я еще и начисто забыл всю китайскую грамоту и премудрость. Остался только Божий дар, или наказание, или просто детская тяга — играть словами. Под стук вагонных колес, который утешает мои печали, удовлетворяет странное кочевое стремление к передвижению. Не к туризму — а именно — к странствованию. Чему — а именно подвижническому подвигу в духе странных людей старой Руси — весьма способствовала в последнее счастливое время жизненная необремененность имуществом, деньгами и обязательствами. Все, что было нажито за полвека, благополучно отобрал очередной большой пожар, третий по счету в обозримой биографии моего рода. Это не новость на Руси, огонь у порога. Избы горят, барские

усадыбы горят. Москва горела не раз. Пройдет очищающий огонь-огнец, — и идут погорельцы Христа ради...

Я рассказываю это не просто так, для связки слов, а чтобы читателю было понятно, с кем имеет дело. В смысле — хочу сразу отделить автора публикации от тех несусветных вещей, которые, признаюсь, сам с большим любопытством читаю и готовлю к печати. Аномалии движут сюжетом, при всем при том, что я нормальный человек, чиновник в прямом смысле, то есть человек служащий в чине советника первого класса. Но жизнь многогранна, нормаль и аномалия суть совместимы, как гений и злодейство. Или — будем проще, — как человек и чиновник. Например, во-первых, давать советы суть самое неблагодарное занятие, за что люди тысячи лет не любят класс советников. А во-вторых, нравится это людям или нет, но я не советую отрицать, что очевидность, описанная законом или традицией, это еще не вся реальность. И что ОГОНЬ — это движущая сила значительно более весомая, чем принято считать. Самый простой пример: в быту мы просто не задумываемся, что нефть, царица двадцатых веков, суть просто некая кровь земли, носитель территориальной энергии огня. Потому так легко энергия эта ныне движет народы. Подчеркну, что это я знаю по службе. Но вы скажете — это не политика, а поэзия. Аномалия? Нет, ибо положено быть чиновнику поэтом. Не каждый из нас Пушкин или Грибоедов, но умение поэтизации всегда было признаком истинной чести в среде законодателей чиновных традиций последних 40 тысяч лет, тех самых традиций, возрожденных Кун-Фу-Цзы.

Поэтизация зримой стороны огня мне близка и по моей предыдущей жизни математика, инженера, немного журналиста и чуть-чуть социолога. Незримая, та, что над человеческими законами, иная сторона — она еще более мне близка, это я сразу понял, читая случайно попавшие мне тетради. Иная сторона Огня... У нас ведь даже такая поговорка очистительная ходит: «ГОРИ ОНО ОГНЕМ», как будто может еще чем-то гореть, да? И случаются эти пожары не случайно. Первый, о котором я, раз уж начал пояснять, коротко расскажу, случился накануне 1917 года. У нашего дворянского рода было пару десятков дворов прямо в центре деревянного города Вологды. На берегу реки Вологды. И сгорела вся улица. То есть к мировому пожару, что был на горе всем буржуям, мы пришли уже полными голодранцами. И лишенцами нас не делали большевики, и на Колыму не отсылали, ибо мои славные родичи рады были работать равно честно и за царскую милость Христа ради, и за пролетарский паек имени Ленина. Горе пришло раньше, чем к другим буржуям, сгорел вовремя дворянский гонор, и это была

уже не потеря, а подарок судьбы — пролетарская индульгенция, путевка в новую жизнь в качестве интеллигенции.

Второй пожар прокатился почти через полвека уже прямо по мне. Восьми лет мне еще не было. Но до сих пор, более полувека спустя, страшно видеть себя со стороны в горящем с двух углов сразу бревенчатом доме. Стоял и смотрел, пока меня не вывели за руку. Точнее — стояло мое тело. А тот, который во мне сидит и видит, он был высоко, выше потолка, хорошо меня видел сквозь потолок. Когда я это рассказал маме, она попросила никому не говорить больше. О том, который извне. «Но ведь врать нельзя?» — спросил я. «А ты, если никто не спросит, и не говори», — пояснила мама. Но наш дом был казенный. И дяденька на суде спросил. И не просто спросил — он ЗНАЛ. Он умел спросить. И он знал, о чем. Он был настоящий Апостол Силы Сталина. Он спрашивал так, что отец мой через полгода после суда умер. Суд умел спросить, поэтому я, ребенок, в страхе отвечал честно и был прощен и спасен. От чего — не знаю. По смерти отца решение суда отменили за неимением истца, и жили мы потом неосужденными, в нищете, да на свободе и, на всякий случай, все-таки за три тысячи километров от места пожара. И там прошла моя вторая жизнь, куда долго не приходил Хозяин Огня.

Но потом он пришел. Осень вспыхнула красным, прекрасным и страшным пожаром напрасной любви. Обороняясь от него, я сумел на какое-то время стать из старого ребенка нормальным молодым мужчиной, женился и уехал на Крайний Север. И опять построил деревянный дом, где меня легко все-таки нашел третий обычный пожар — он прошел сквозь мою жизнь, почитай, снова ровно через половинку тибетского века. Вот такие, почти равные по весу промежутки для трех выходов обычного огня. Случайно ли? Думаю, что нет. Тогда у меня в одну ночь сгорело все нажитое при социализме, точно так же, как веком ранее у моих предков сгорело все нажитое при царизме, и я понял, что мне, как и всей стране, надо менять харизму. На третью ночь после пожара у меня родился внук. А на девятую ночь мне приснился Старый Ребенок, он принес мне мешок папирусов. Чистых. И в этом сне было все понятно даже ребенку, без знания китайской грамоты и мудрости Дао. Полжизни прожито и ничего не написано в полную силу. Так, забавки детские. Надо менять себя, надо отдавать Божий дар, иначе он превращается в наказание, в тяжкий груз неизреченных слов.

Подсказка простая, но три месяца я не мог решиться на такое. Чтоб все бросить — диплом, спокойный кусок твердого инженерного хлеба. Все решилось, только когда будучи в командировке по

строительным делам в Новосибирске, в «Академкниге», в библиотечном отделе, открыл старое издание Бодлера, прямо у прилавка кое-что там прочел. Не скажу что — это не мое. Но это уже и не Бодлер. Это некий страшный мыслеобраз, одну сторону которого увидел и описал смельчак Шарль. Надо сказать? Хорошо, попробую... Может быть, миниатюра называлась «Гаспар из Тьмы»... Нет, даже название не скажу точно, потому что читал часа два, листая беспорядочно академическое издание, и это не вызывало никаких вопросов ни у продавцов, ни у таких же, как я, старателей золотого слова. Четко запомнилась фраза «по ночам Скарбо пьет мой мозг». Потому что тогда, осознав, что это значит, я сразу положил книгу на прилавок, купил пачку чистой бумаги и неделю сидел в номере гостиницы и писал, писал, писал.

Мне позвонили из проектного института, куда я был командирован для работы над проектом некоего жилого массива, я сказался больным и дал консультации по телефону, причем видел альбомы с чертежами не просто ТАМ, а словно насквозь. И наперед, уже исправленными. За час-полтора ребята получили задание на всю эту очень нужную мне неделю. На период смены кожи. На пачку листов никому не нужной, сожженной перед отъездом писанины. На переход из инженеров в журналисты. Всего-то на десяток лет. Но, Боже мой, если действительно рукописи не горят и это писание тоже мне зачтется суровым Агни..? Да ладно. Так подробно я останавливаюсь на этом эпизоде апологии Огня, потому что сейчас, в этой повести-несказке путь наш лежит через Новосибирск. Есть в этой точке земли, видимо, какая-то притягательность, не случайно ведь растут города-миллионники на территориях в определенных крестах силы огня?

И — забегая вперед — но все-таки надо прямо сейчас сказать, что в этой чужой, найденной случайно, крупными полупечатными буквами начертанной рукописи о Шиве-Лама-У-Ши тоже речь идет о явлении одного из рода Агни. И он был не Агнец Божий в нашем православном восприятии, он больше был похож на тяжелые видения Чюрлениса, тоже странного человека, над которым явно довлеют какие-то кармические тени туманных нибелунгов... Чюрленис был — Он..? Нет. Он там. Просто нас там нет, а он есть. Но об этом чуть позже, когда придем на место. В чудную долину у ворот Беловодья. А пока мы идем по Новосибирску в поисках ночлега. Вот моя гостиница, где я в прошлой жизни неделю праздновал, воссоздавал главы сгоревшей рукописи «День рождения Маргариты Николаевны». Зашли. Ночевать здесь? — Нет, это нам сейчас дорого. Так что не выйдет дважды в ту же реку...

8 Глаголитерра

Вечер тихий и теплый, начало октября, бабье лето. Оперный театр, «Лебединое озеро» — все билеты проданы. Жаль. Кафе. Очень-очень дорого. Решено — остановка отменяется, на вокзал, ужинать и спать в поезде.

Утро. Пьем кофе под спокойный перестук колес. Ощущение, что снова по-домашнему стало все. Как много лет назад. Когда мы с женой недолгих девять лет оба были журналистами. Творили в свободном полете. Сейчас мы можем себе это позволить только в отпуске. Никакого телевизора, из которого сыплются новостихреновости. В квадрате экрана — в окне вагона — чистое зеленое высокое и голубое. Не северное тяжелое низкое серое и корявое. Не бесконечный мелкий дождь тяжелого болотного лета. Высоко. Легко. Мы не на службе, мы живем в поиске. Мы читаем у окна. Выходим по очереди курить. В тамбуре для курящих сладковатый запах сена. Понятно — едем в направлении чудной Чуйской долины. За окнами пейзаж узнаваемый, знакомый, хотя не были мы здесь еще никогда. Это бывает, когда идешь в правильном направлении. Вроде как ветер чуешь. Разговорились с попутчиком. Он угадал в нас журналистов, назвал себя — имя я тоже назову, потому что встречи с ним потом еще будут — редактор местной студии телевидения, Николай Бардамай. Музыкант, композитор.

Николай удивился, что едем так поздно: «У нас обычно в это время уже снег лежит на перевалах, не сезон. Зато сейчас отдых — не то чтоб дешево, — бери даром! Зимний горнолыжный бум еще далеко. Так что вы верно выбрали время для ознакомительного круиза». Может быть, он немного подшучивал над нашей явной интеллигентной бедностью. А может быть, и просто хотел сказать приятные всем сладкие слова «плиз, круиз». Горы он знал в пределах туристических маршрутов. Уймонская долина? Ни разу не был, все как-то недосуг, да и зачем? — горы везде горы. Вот они под окнами, чуть ли не в огороде. На вокзале, прощаясь, он порекомендовал нам узнать о дивных местах в городском книжном универсаме, там собирается вся ойкумена местной эзотерики. Такая вот шутка. Нам не понравилась. Но я пожал его руку и понял, что это он от неловкости сказал, что на самом деле хотел сказать другое. И действительно, отойдя на пару шагов, Николай повернулся к нам: «Если захотите вместе работать, готов хоть сегодня взять вас на работу в нашу телекомпанию. Звоните». И очень уверенно обозначил: «До встречи».

Это радостно, когда ты людям нужен в такой степени. И спокойно, когда вестник выходит тебе навстречу. Потому мы вошли в зал эзотерической книги, яко во часовню при дороге.

В очень приподнятом настроении. Прошли, посмотрели знакомые книги, прикоснулись пальцами к корешкам — хорошо, когда рядом родные и близкие. Посмотрели карту Алтая. Дорого. Впрочем, нам тогда все было дорого. Но пора спрашивать дорогу. И девушка-продавец тут же отвела нас к стеллажу, за которым подписывала тоненькие брошюры стройная сероглазая женщина с абсолютно не запоминающимся лицом. Просто как силуэт помнится. Бывают такие блок-защиты. Человек-невидимка. Она написала нам на брошюре адрес и номер квартиры, мы знали, где этот дом, — только что проходили мимо.

В этом доме пахло восточными пряностями и церковным ладаном. В этом доме наливали душистый чай и подавали на стол бездрожжевое печенье. В этом доме звучали псалмы и мантры, странное сплетение ритмов Европы и Азии... Нет — скорее двух Азий — двух Востоков — Ближнего и Дальнего. И почему странное сплетение? Азия утро плюс Азия вечер. В мире сегодня нет ни европейских, ни африканских, ни американских вер. Христианство, ислам, буддизм, дао — все это возникло даже территориально в Азии. Это есть отражения некой Единой Веры из Сердца Азии. День Бога смотрит в зеркала по склонам Гималайских отрогов.

Нам показывали карты Горного Алтая, книги с картинками странных электрических явлений, камни-знаки, фотографии со светящимися объектами, не то что аурами людей — прямо их световыми двойниками. И нетерпение перед шагом в неизвестность яро разгоралось. Меня заинтересовал острый камень-пирамидка на вершине горы, нависшей над Верхним Уймоном. Не знак ли Беловодья? Но — увы — сами эзотерические дамы в этих местах не бывали. Никого из бывалых пока не было. Должны были подойти попозже. Дамы показывали нам книги интегральной йоги, Агни-йоги, трансцендентальной йоги, йоги Ошо... И здесь, при имени Ошо, была оказана в подаче книг определенная торжественность. Я понял, что для них это главное. Что эти люди уже увидели свой Свет и ослепли для всего остального. Захотелось курить. Но не в этой же трансцендентальной чистоте дымить нечистым зелием... Попросились на балкон. Хорошо, холодно. Я с очень большим удовольствием купаюсь зимой по «Детке» Порфирия Иванова, с еще большим удовольствием читаю книги и смотрю, нет — вхожу в картины Рериха. Но это не весь мир. Пределов нет. Узкая тропа не по мне. Хорошо, что здесь о вере с нами быстро перестали говорить, поняли, что мы несем что-то свое. Интересно — со стороны люди видят, а я сам не знаю, что несу... Не себя ли несу у себя на плече? — так переспросил бы я сегодня Мыслителя. На самом

деле на плече у меня была сумка с листами от Альтиста-сталкера, к первому знаку которой мы быстро приближаемся, но я-то тогда этого не знал.

Покурили, посмотрели на спокойную тишину предгорья. Когда мы вышли — обстановка изменилась. Пришла женщина в сером, «человек-невидимка» из книжного магазина. Все сидели на ковре в свободных позах, человека два — в лотосе. Ведущая рассказывала о работе по продвижению ИДЕИ в Центре, в Сибири, в Красноярске, в Иркутске. Мы послушали немного. Потом на какой-то момент она сделалась видимой, мы посмотрели глаза в глаза. За чашечкой умиротворяющего хорошего чая возражать было бы неловко, да и зачем? Много извилистых троп ведет в Гору. Так говаривал один мудрый петербургский ясновидец. На немой вопрос ведущей я улыбнулся, поблагодарил за все и объяснил, что нам пора решать или с ночлегом, или с движением дальше. Нам строго пожелали доброго пути. И действительно, путь оказался добрым, нашлись свободные места в автобусе на Горно-Алтайск, нашлись в полночь свободные места в единственной городской гостинице, чайник нашелся в гостиничном номере, и подаренный кулечек бездрожжевого печенья приятно порадовал нас.

Впервые за пять ночей мы спали, не раскачиваясь под стук колес. Хорошо курить, вдыхая свежесть у открытого окна, запивая горячим кофе ароматы горного утра. Автобус в Уймонскую долину был только назавтра, поэтому мы день погуляли по городу, по сути по горному ущелью, по нескольким узким извилистым улочкам, зажатым горами. Зашли в республиканский музей. Нам показали Алтайскую Принцессу — длинную мумию женщины с высокой прической на особом шесте. Это был не просто раритет, это была вновь обретенная легенда Алтая. Мы начали задавать вопросы, возникла неловкость, к ней допуска не было, да и день был не для посещений, а нас приняли по ошибке за ученых-экспертов, которых ждали. А мы предъявили удостоверения журналистов... По лицам старших научных сотрудников явно читалось «А еще в шляпе...». Короче — нас не выдворили, но вежливо попросили больше не фотографировать здесь ничего. Экспозиция была еще не утверждена. А были там прелюбопытнейшие вещи...

Но об этом лучше рассказывать отдельно, для интересующихся готов рассказать обо всем в подробных комментариях к данному путевому листу, но лучше один раз увидеть вам лично, уважаемый читатель. И потому пропустим некоторые интересные. Промелькнет пусть Чуйский тракт до поворота на Онгудай, промелькнет Усть-Кан, промелькнут серпантины ремонтируемых

дорог, где с одной стороны — пропасти страшные по глубине — как в окно самолета смотришь — и с другой стороны — прекрасные по мощи каменные стены — как перед штурмом древней крепости стоишь. Промелькнут мелкие поселения по два-три домика, пастбища по несколько десятков перламутровых коров или огневых скакунов, мосты и мостики, через которые пробежит старенький тряский автобусик до Усть-Коксы. Всего-то часов десять езды от Горно-Алтайска. И вот мы уже попали на место слияния Катунь и Коксы, в самое начало Уймонской долины. Оттуда, нам говорили, легко можно добраться до Верхнего Уймона. Да, мы увидели поселение на той стороне долины, на другом берегу разделившейся на несколько рукавов Катунь. Километра полтора по прямой. В объезд до 20 км. Но туда автобус не ходил уже две недели. Потому что пошел на Чонгар и сорвался в пропасть. Другого нет. Не очень обнадеживающая новость. Нам не врили. Женщина, которая это все рассказала, говорила «якши урус» своей подруге. То есть — им понравилась наша городская пара. Но правда — она такова.

Это дело надо было переждать. Перекурить с чашечкой дешевого горячего кофе. Что мы и сделали на скамейке возле сельсовета. И снова вестник вышел навстречу. На этот раз — женщина, которая тоже ехала с нами в автобусике из Горно-Алтайска. Она узнала в нас земляков. Сама работала в Нефтеюганске, но у нее был куплен домик в Мульте, это уже на той стороне Катунь, отсюда нам до Верхнего Уймона останется километра три. Она, как уже местная, легко нашла попутный транспорт. Что на самом деле было очень нелегко приедем, многие местные нас просто обходили стороной. Какое-то ощутимое неприятие исходило от них, в ответ на наше жадное любопытство, может быть?

Мы ехали по прямой, как стрела, дороге через долину. Золотистые стены гор не спеша выдвигались навстречу, как плечи выходящих во широко поле-дол, во былинную долину, древних великанов, тела самых дальних гор светились невесомо прозрачной синевой, как облик юного Кришны-Леля.

Моя жена сказала об этом водителю. Тот озадаченно посмотрел на нее — «горы как горы» — хмыкнул, но посмотрел в окно и по-детски радостно закричал «ВИЖУ!». Мы весело засмеялись: да, это как любовь с первого взгляда, когда созерцаешь юным оком красоту того, что замыленному каждодневным визированием глазу просто и серо видится. А ведь реальность намного прекрас-

нее очевидной обыденности. И здорово, когда человеку удастся помочь увидеть сквозь...

Вообще это было, если со стороны взглянуть, до колик смешно, наверное. Я в шляпе и с профессорской бородкой, моя супруга в элегантном артистическом шарфе поверх плаща, сидим в пифагорейских позах в фургоне старого «УАЗика» на каких-то ржавых ящиках и рассказываем основы классической этики. Всего за каких-то сто рублей в час. Потому что парень за разговорами сердечными не только нас отвез из Мульты в Верхний Уймон, но потом с нас и за дорогу не взял, только мостовые мы оплатили вскладчину — шлагбаум на мосту через Катунь открывался за деньги, и тут уж мы настояли на своем малом вкладе.

Вышли мы возле музея Рериха. Да! — в глухом горном селе есть настоящий дом-музей Николая Рериха с подлинниками картин. Об этом нам однажды рассказал мальчик по имени Дэн, увлеченный рериховец, участник Сибирского Рериховского общества. Настолько ярко живописал, что мы загорелись и, через все невозможности, пришли в эту точку входа в Беловодье. Что любопытно, потом, когда мы показали Дэну фотографии с места события и начали говорить «а помнишь?», тогда только выяснилось, что сам мальчик здесь не был и, естественно, не помнит, чтоб рассказывал нам о том, чего не видал. Но это было потом. А сейчас и здесь мы смело вошли в музей, директор-экскурсовод Валентина была здесь, время было не для посещений, но мы ходили, смотрели, трогали то, что можно трогать, фотографировали то, что можно фотографировать. Главный раритет, картина Рериха «Гонец», весьма потемнела от времени. Ее сила стала какой-то твердокаменной. Никакой профессиональный фотоаппарат не мог взять эту силу, но я все-таки сделал пару снимков своей японской оптикой.

Мы вышли во двор. Поговорить нам было о чем. Как раз сегодня был день рождения Рериха. Год назад, в этот же день, мы побывали на Третьих международных Рериховских чтениях в Санкт-Петербургском университете. Там слушали лекции и о Беловодье. О горе Белухе. Куда хотим пройти мы... — и тут наш энтузиазм Валентина остудила реальностью — лошадь по этому маршруту стоила от 100 долларов в сутки. И не сейчас, а в сезон, хотя бы месяцем ранее, ибо обычно в это время в долине уже лежит снег. «Наверное — мы какая-то аномалия», — пошутил я, но Валентина восприняла это серьезно. Поскучнела, принесла нам из каморки за дверью несколько книжек, подаренных ей искателями аномалий. Явно нечитанных книжек, подписанных авторами. Сама она никаких НЛО и прочего не видала никогда. Обычный человек.

Может быть, может быть... Но потом мы побывали в ее собственном недостроенном доме на излучине Катуня. Это было чудо! Дом, с высокой крышей, с четырьмя мансардами, высокие окна которых выходили на четыре стороны света... У меня даже сердце сжалось — как это было похоже на дом Мастера и Маргариты, где как-то мне довелось единожды побывать. Мысленно, если можно так сказать, если можно сравнить песчинку записанного слова с молнией породившей его мысли. А здесь не песчинки — мириады круглых камней катилась с космических высот вокруг этого дома Катунь. Силу ее движения, низвержения с высот перевала отметкой более 1200 метров — эту силу, эти вихри, кружащие поперек течения бирюзовые кольца, мы испытали на себе, вошли в осеннюю воду на несколько минут. Ноги от дна отрывать было, оказывается, нельзя, мигом уносит на перекат. И там я ухватился за большой камень, но от него отделился и остался у меня в руках кусок, размером и формой напоминающий литой белоснежный череп. Я нырнул и осторожно отпустил этот подарок обратно в реку, он зашуршал по гравиям рыхлого переката — «Шива-Лама-У-Шшии» — тогда, под водой я впервые услышал это сочетание ведомых и неведомых мне имен.

Увы, в «доме Маргариты», вокруг которого читала мантры круглолобая Катунь, нам заночевать не довелось. Хозяйка отказала ввиду ремонта, зато взамен нашла нам ночлег у одинокой бабушки Медведихи. Признаюсь, при всем уважении к уймонцам, было немного досадно проехать несколько тысяч километров и у порога Беловодья встретить стену прохладного, мягко говоря, отношения. И дело не только в том, что это поселок староверов. Очень огорчительны были отказы в ночлеге, которые мы успели получить от власти в лице сельсовета, несмотря на предъявление журналистских удостоверений, и от рериховцев из СибРО, которые там строили свой музей своего Рериха... Хорошо, что восторг от этого места и от ощущения приближающейся тайны был велик, перекрывал все прочие чувства. И по-детски восторгаясь окрестностями и о своем рассуждая, мы к одинокой бабушке Медведихе шли как благодетели, считали, какую сумму дадим за десять дней на пределе своих финансовых возможностей, чтоб и помочь по максимуму старому человеку, и чтоб хватило домой вернуться. И бабушка запросила с нас именно ту сумму, которую мы при обсуждении высчитали. Но за одну ночь. То есть отпуск у нас резко кончился, ибо торг накануне ночи был неуместен. Тем более с заходом солнца быстро похолодало, черные крылья четко очерченных теней горных хребтов сразу сомкнулись над чудной доли-

ной. Открылись огромные звезды, алмазы в бархатной тишине, близкие, нисходящие с небес сумасшедшей красоты алмазы...

Бабушка щедро напоила и накормила нас. Чай на травах, яичница на ярко-желтом масле, еда очень обильная и тяжелая. Назавтра она обещала нам баньку, мы не стали ее разочаровывать отсутствием средств на эти цели. Она успела рассказать нам о двух убитых лично медведях, пошла спать. Очень довольная. В это время года продолжать туристический бизнес — это был подарок судьбы. А для нас это был урок новой русской экономики. Взяла-то с нас бабушка по норме и, если в долларах, то не так уж много. Такова цена чистого экстрима, щедро оплачиваемая бесчисленными бельгийцами, американцами и другими братьями нашими старшими.

Около полуночи я вышел перекурить в огород. Холод уже ощутимо пронзил долину. В стоящем воздухе, то ли по небу, то ли по склонам гор, двигались отдаленные огоньки и, причуды горного эха, — странные звуки. Будто кто-то прямо в середине черного горного склона колотил в жестяную баночку. И в колокольчики Дзен позванивал. И невидимый пробежал через огород. Это слышал не только я — вслед за ним по селу волной прокатился сердитый собачий лай. Ворота в сказочный мир были приоткрыты. Но не все могли войти в эту сказку. Здесь, в предгорье, жили люди, которым осталось три дня пути до Беловодья. Туда Рерихи ходили 60 лет тому назад, если верить упрямым староверам. Туда ушла Соколиха, потом письмо присылала, но к себе не звала. Это целый пласт легенд, до которых рукой подать, но не пускает нынче незримая стена. Или сам я боюсь. Как и эти люди. Дальше порога — ни шагу. Райская долина, это ведь последнее искушение на пути туда. Зачем идти на лед и голые скалы, если здесь даже простая корова перламутровым светом сияет. Вот оно, счастье. Здесь и теперь. Но отчего же так угрюмы стоящие при входе? Тоже, как и я, чувствуют, что грехи не пускают? Или — что дела земные не сделаны еще? Сильное беспокойство вливает в душу весомая эта тишина...

Утром мы побежали окунуться в Катунь, чем утренняя горная вода отличается от вечерней — это, во-первых, светом, во-вторых... Да, в общем, в эту реку можно нырять до бесконечности и всегда это не дважды в одну воду! Радость огромная после того! Сила Белой Воды в душе и в теле! Но пора и честь знать. Уплатите по счетам, и с почетом вынесут ваши сундуки на корабль, не так ли? Бабушка Медведева очень расстроилась, и видно было, что не из-за денег, но из-за того, что не успела рассказать про всех своих мужиков да медведей. И еще про многое могла бы порассказать,

ведь еще до войны ходила по этим горам до самого Китая, а то и туда, а когда и в Монголию — туда-то граница не была никогда особо строгой. Да и как ее охранишь на неприступной горе — границу-то? А зверя-то подраненного зачем на чужую землю отпускать? В общем — прощание вышло немного со слезой, немного с торопливым дорассказом. И еще в огороде ко мне подбежал большой белый пес. Вообще собаки здесь очень злые, у Медведихи на цепи сидела кавказская овчарка, даже на вид покрепче волка. Этот белый был другим. Я присел к нему навстречу, чтоб глаза были на уровне глаз. И поверх его головы четко увидел на вершине горы ту самую треугольную пирамидку на вершине горы, которая меня в свое время так притянула на старой фотографии рериховской экспедиции. В общем — находки продолжали сыпаться, как из рога изобилия. Жаль, что нам не по средствам было пожить в этих местах десять дней хотя бы...

Все-таки повезло с отъездом. Местный автобус был в запое, образно говоря — наполовину. То есть один хозяин был дома и готов был бы оказать нам и односельчанам платную услугу до райцентра, но вот беда — партнер неделю уж пил. А у них действовал суровый договор — начинать движение только при решении обоих глав бизнеса. В общем, если бы не случайно захватившие в село в поисках порыва связисты, нам пришлось бы идти пешком. Об этом, пожалуй, уже не стоит говорить, но вся поездка состояла из цепочки случайностей. Мы несколько раз съездили из Уймона в Мульту, туда и обратно, исколесили всю округу, даже увидели издали одно из знаменитых Мультигинских озер, наконец порыв нашли, кабель заменили и вот снова мост, для служебной машины бесплатный, вот прямое, как стрела, шоссе через долину. Слава Богу, снова мы попали в убогий райцентр, который теперь казался нам вершиной цивилизации. Нас вместе со связистами пустили на ночлег в недостроенную гостиничку. И взяли по цене, как для местных, без перевода в валюту. И поужинали мы чем бог послал в сельской харчевне, и снова быстрая ночь сомкнула крылья над долиной. И сны были снова странными, беспокойными.

Проснулся среди ночи и вышел покурить в недостроенный каминный зал гостиницы. Ярко светила полная луна. Хоть читай — подумалось. И тут я увидел тетрадку. Точнее — половинку тетрадки. Вторая часть была оторвана и брошена в огромную яму, где по замыслу строителей должна была к следующему туристическому сезону появиться подвальная котельная. Честное слово — это подвиг — вырубить в скале такую ямищу. Видимо — камень шел непосредственно на строительство дома. Но вернемся

к рукописи. Она лежала скрытно за фанерным щитом. Сначала я увидел выброшенную часть и только потом — хранившуюся наверху. Ровные четкие рукописные буквы. Я читал их, как сквозь сон. Даже сейчас пишу, и спать хочется, не в те буквы на клавиатуре попадаю. Пишу пока по памяти. Хотя текст рядом где-то есть. И такое ощущение, как в детстве, когда нельзя, но хочется.

...Машина повернула на Черный Ануй. Здесь не было никакого шоссе, колея, не колея, просто след чьих-то шин. Мы ехали, ехали, ехали. Было хорошо. Мы курили один косячок на троих и весело смеялись. Хорошие ребята попались. Пусть не в ту сторону пока едут, ничего, они еще дозреют. Поймут, что я могу их вывести на настоящие высокогорные поля. Где трава тянется к твоему телу, обвивает его и гладит. Где ты вступаешь в тайный зов горного звона. Где не надо ни курить, ни глотать наркотики, можно просто закрыть глаза и вращать в тайную жизнь растений. Где... я не то спал, не то словно вываливался из сладкой полудремы. Мы остановились на ночлег.

Здесь вообще был заповедник, стояла охрана обычно, но сегодня был какой-то праздник. Все были пьяные и обливали друг друга водой. Алтайская Купала. На въезде в заповедник нам навстречу попался тоже довольно нетрезвый алтаец на старой «копейке». В одних трусах и ноги на руле. Но ехал. Ребята спросили его о каком-то камне. Он помолчал, потом сказал: «Туда. Увидите сами». Так мы и нашли эту стоянку.

На большом плоском камне были вырублены фигурки бегущих человечков. Они не охотились, они убегали. Было на рисунке и дерево. Как неровный трезубец. Этим рисункам должно быть 10-12 тысяч лет. Но это дерево стояло в пределах видимости. Дерево столько не живет. Почему оно на камне и в жизни? Я спросил. Ребята отругали меня, но потом и сами увидели то, во что не верили. Так мы и стали здесь, на кургане, посреди каменных колец. Я не захотел спать в круге Принцессы, разложил свой спальный мешок там, в сторонке, под трезубчатым деревом. Вокруг него был ручей, только узкий перешеек соединял островок с остальным лугом. Я проложил по перешейку цепочку белых камушков, замкнул свой круг. Никого. Только внутри дерева, на сухих ветках, как глянцевые листья, густо сидят черные дрозды. Про дроздов я промолчал. Ребята их не видели, они смотрели карту, рисовали что-то. Они уже разложили костерок. Картошки достали. Я пришел, взял котелок. Снова пошел к себе, к ручью. Когда наклонился за водой,

увидел вращение песчинок вокруг бьющих ключей. И в отражении за ручьем, прямо на фоне круглого белого камня, человека в сером френче и широкополой шляпе. Он тонким металлическим стилем скоблил буквы на камне. Не то стирал, не то нарезал.

— Ты кто? Это что? Зачем? — стал строго спрашивать я.

— Сензар, — ответил он одним словом на все три вопроса. Положил стило на камень и легко перескочил через широкий ручей. Посмотрел мне в глаза, горестно вздохнул: — Зря ты здесь, глупый маленький туман.

— Почему зря, мне хорошо. Ты красиво сказал. Я — туман. Ты — ветер. У меня хорошие друзья. Меня ждет тихая трава. Почему — зря?

— Попей воды из котелка, — сказал Сензар. Я не знаю, это слово было ли его имя или означало то, что он нарезал на камне, но другого слова-имени красивее я ему не подобрал бы. У него был глаз добрый. Я доверил бы ему даже двери между ведомым и неведомым открывать. Он был добрее, чем даже Микис, что из девятой палаты. Которого у нас любили все больные, и медсестрички, и врачи. Глаза у Микиса были добрые-предобрые. У него только руки были страшные от многих поперечных порезов, он очень часто резал себе вены, там рубцы от ран были уже как буквы рун, крест-накрест. Это Микис. А Сензар нет. У него руки были сильно белые, чисто белые, даже синевой какой-то отливали. Я это заметил, когда оторвался от сладкой воды в ковшике. Он в это время, пока я пил, легко провел несколько раз мокрым пальцами у меня за ушами, как будто собаку почесывал. И у меня в ушах вдруг очень громко загрохотал ручей, как надо мной. Потом дрозды зашелетели жестяными крыльями, пересаживаясь на старом дереве. Потом я словно ниже опустился, прямо к костру в центре круга, и ясно услышал, что говорили мои хорошие друзья, нарезая большими ножами хлеб и колбасу:

—...как это место наркоша прочитал на карте? Ума не приложу. Он на собаку похож. Нюх, верхнее чутье. Это точно здесь. Утром копнем. В центре круга. Это она.

— Ты уверен? Ты уже три раза был уверен! А первую принцессу нашли эти... Какие бабки мимо нас! Она же святая для всех этих узкоглазых. Сейчас ее пилят на кусочки эти, в музей. А мы могли бы продать каждый кусочек по 30 долларов, а если в сандаловой ладанке, то и за 100. Завтра начнем копать здесь. В центре круга. Мы свое возьмем.

— Нехорошо слушать чужие разговоры, — сказал я Сензару. — Меня за это били.

— Не будешь слушать — умрешь, — грустно усмехнулся он. И попросил: — Сыграй мне что-нибудь из балета о черных дроздах.

Меня два раза просить не надо. Ехали так далеко, и вот даже тут человек знает, как я легко летаю за черным дроздом! Я достал из мешка за спиной свой альт. Оперся спиной о теплый камень и играл, закрыв глаза, пока ребята не пришли за мной. Жалко, что я не заметил, как Сензар ушел. Я хотел его что-то спросить. Он это знать может. Раз может дарить яснослышанье, значит, он ясновидец.

...Я услышал чьи-то шаги в коридоре. Закрыл тетрадь и сунул на место, за фанерный щит, прислоненный к недостроенному камину. И громко чиркнул спичкой, закурил наконец. Но никто не вошел сюда. Хлопнула дверь в конце коридора гостиницы, повернулся кл

иц к ел. в в =
 м Щ О и но да- лео -риЩзакр й за
 о М иц Раз

Старший сказал, что у китайцев такие мертвые живут по 300 лет. Лежат и ждут. Потом приходит новое тело, считывает знания и лежит рядом свои 300 лет. Так старший думал, но не сказал. А я уже могу слышать других людей, когда захочу. И они не слышат меня в своей голове. Так научил Сензар.

Мне жалко принцессу. Она — как Звездный Мальчик. Кто такой Звездный Мальчик? Я вспомнил. Я это вспомнил сейчас. Сензар говорил, что это начнется. Хочу спать. Надо зайти спать в свой круг. Там защитят жестяные дрозды. От них отражаются волны спутниковой связи. Дерево сухое, потому что напитано железом. Большая радарная радиопомеха.

Я проснулся потому, что услышал голос Сензара. Он просил манны небесной, пел свой вечерний «Ом манне падмехум». Много у него песен, я пока запомнил эту одну. Она для меня — как «Дети Времени» «Дип Перл». Так звучит мощно. Как будто и правда — навсегда — симфонический оркестр останавливает вращение Земли во времени. Я помню эту музыку вечно. Я знал ее всегда. Я не мешал Сензару петь, слушал и осматривался, улыбаясь. Но мне не понравилось то, что я увидел.

Ребята сложили большой костер. И уехали в село за вином. Им надо выпить для храбрости. Я услышал — они хотят обжечь Принцессу, потому что на воздухе она быстро портится. Мне это не понравилось. Я захотел, чтобы пошел дождь. Я попрошу Сензара. Он шаман, он позовет дождь. А пока я набрал в ковшик воды и потихоньку отнес, полил дрова. Но с них вода скатывалась. Они сильно пахли бензином. Тогда я собрал все спички и зажигалки, какие нашел, принес и положил в своем доме. Сложил в стопку, в свой небольшой костерок под деревом. Но не поджигал — а вдруг они передумали? Зачем лишний огонь вызывать?

Не передумали. Они приехали выпивши, уже сильно. Добавили еще. Открыли двери машины, где были вделаны динамики, и на всю мощь запустили музыку. Похоже на «Огненный шар», но жестче, резче. Мне было очень больно это слушать. Я обнял свою голову руками. Не заметил, когда они подошли. Они хохотали. Попинывали меня ногами. А я почему-то не мог подняться на две ноги, убежал на четырех, как собака больная. Наверное, я что-то не то скушал, мне в обед они отдельно тарелку солили. «Ясно видел, так зачем же кушал?» Это Сензар спросил издали. Ребята забрали свои спички, плеснули бензина на мое дерево. Я переполз через ручей. Уже начали вечерние тени быстро двигаться к дереву черными зубцами. Дерево вспыхнуло ярко, подняло огненные руки в небо. Дрозды с горящими хвостами метались

между искрами. Дерево накалилось, ствол лопнул впродоль и из получившейся трещины пошло звонкое шипение «Шива-Лама-У-Ши — слышу Огонь...»

Я не только ясно слышал голос дерева, я ясно видел, с каким трудом ему даются эти шипящие слова. «Иди ближе сюда», — громко позвал Сензар. Он снял шляпу, распустил волосы, сидел на своем расписанном мантрами белом камне в позе лотоса. «Я хочу спасти дерево», — сказал я. «Оглянись» — и я увидел! Огромный клык, о который со всего разгона ударялась река, ожил, покачнулся, начал оседать. И к открывшейся пасти медленно поползла черная лента. Точнее — зеленая лента почвы поползла в пропасть. А черная дымящаяся лента — это был след от узкого, как уж, оползня. Нет, уже два ужа. Две трещины змеились по долине. А между ними медленно двигалась зеленая почва, сползала в прорву. Оставляя за собой черную дымную ленту.

Черный след начинался с того места, где было раньше горящее дерево, места, над которым кружились только железные красные бабочки. А мои жестяные дрозды уже расселись на упавшем дереве и медленно ехали вслед за холмом, на котором лежала поленница для принцессы. Ребята пытались завести свой джип. Если бы они все бросили и побежали ко мне по дымящейся черной вязкой полосе, если бы они это сделали до того, как Красный Огонь вышел из пропасти!.. Вспыхнула поленница, вспыхнул джип, вспыхнула принцесса — но она не красным светом, а синим. Огонь докатился и до нас — черная полоса хорошо горела, как нефть. Огонь вплотную приблизился к Сензару, прошел через него и стал из Красного Белым. Холодным — он коснулся меня холодным! Я вспомнил, что я видел этот переход из Красного в Белое там, в Центре. Когда мне давали Код. Значит, скоро...»

Вторую тетрадь я положил за фанеру, к первой. Бред. Но красиво, зримо. Особенно для апологетов огня. Я люблю смотреть в огонь. Но замерз в этом продувном каминном зале, жутко. Когда вернулся к жене под одеяло, она даже вздрогнула, насколько ледяной жабой я был. Поругала меня сквозь сон: «Разве нельзя было одеться? Ледышка сплошная...»

Утром нам даже не пришлось выходить на трассу. Официант-портье-администратор позвал нас: «Хотите уехать до Усть-Кана? До рейсового автобуса еще 4 часа. Если еще он будет». Какой разговор? Учи ученого! Мы в тридцать секунд собрались, ибо без вещей были. И вот уже едем на стареньком «москвиче» по горному шоссе.

Алтаец, председатель сельсовета, ездил в район. Теперь надо было поехать в соседний район. У него были два пастбища — одно в низине, одно на высоте 1600 метров. В разных районах. Исторически, со времен порядка при Чингисхане, означенные места его семьи. Село, которым он руководил, по факту было все его семьей. В разной степени родства. Невест и парней брали у других сельсоветов. Для этого ездили на скачки, даже на озеро Алтын-Кель, иногда и в Казахстан.

У нас тоже большая семья — детский клуб, — пошутили мы. Это ему понравилось. Мы обменялись телефонами. Потому что мы и на самом деле собирались вывезти своих ребят на Алтай. Что и сделали на следующий год. Но, забегая вперед, сразу скажу, что высокогорье нам зарубили, дальше курортного Чемала детскую группу не пропустили. Но об этом мы еще не знали. В Усть-Кане расставались деловыми партнерами. Обнялись дружески. Он уехал, мы пошли попить кофе. За столик подошел молодой парень в черной шапочке, предложил отвезти до Маймы, а там мы сядем на любой проходящий автобус. Цену назвал по стоимости автобусного билета. Уж не знаю — или родственные связи с нашим предыдущим партнером сработали, или парню было надо в Майму. То есть перекур не затянулся.

Жена моя быстро задремала на заднем сидении музейно старого «москвича», чуть ли не 401-го. Я сидел на переднем, штурманском месте лихого транспортного средства. Ехали не по шоссе, свернули на гравийный проселок, пойдем через Черный Ануй, потому что там, на основной трассе, ремонт развернулся во всю, долго будем объезжать по серпантинам. Хорошо. Только погода резко начала портиться. Разом пошел огромными хлопьями снег. Уже ехать было не страшно — белая мгла слева и справа, короткий отрезок пути перед собой видишь, и все. Вдруг парень резко затормозил. Мы чуть не врезались в сломавшийся скотовоз. Хорошо, хоть неподалеку был «карман». Туда удалось откатить скотовоз. А то заночевали бы, мягко говоря, если не зазимовали здесь, ибо развернуться было нельзя.

Погода все более осложняла дорогу. Парень часто снимал шапочку и что-то шептал, видимо, мы проходили сложные, опасные места. Возле Черного Ануя как-то просветлело, да и дорога стала шире. И тут я увидел ЭТО. Обгорелое дерево на краю пещеры. Оно зацепилось-таки за черный клык перед входом в пропасть. Длинная дымящаяся черная лента. Посреди белоснежного поля. Я машинально снял шляпу, перекрестился, отгоняя наваждение ночи, но все-таки сам себе тихонько прошептал: «Шива-Лама-

У-Ши — слышу Огонь!» Но парень услышал мой шепот и что-то тоже сказал по-своему. И положил свою черную шапочку рядом с моей шляпой, хотя дорога была, по местным понятиям, абсолютно безопасной, почти шоссе.

Дальше мы ехали без приключений. Снова повалил густой снег. Не помню даже, где пересели, в какой точке Чуйского тракта, на рейсовый автобус. Может быть — это был Манжерок? И далее дорога пошла уже в абсолютно цивилизных условиях, на суперкрейсерской скорости огромного «Вольво». И более того, — о чудо из чудес! — когда мы вышли в центре Новосибирска у Оперного театра, на билетной кассе не было таблички «все билеты проданы». Билетов было ровно два. В прекрасном месте бельэтажа. Уже отзвучал первый звонок. Мы сумели, успели даже, перекусить, чуть-чуть привести себя в порядок. Смотрел я «Лебединое озеро» и вспоминал вчерашний вечер почти за тысячу километров отсюда, возле Мультигинских озер. Какая все-таки маленькая земля. Как на ней немного людей, готовых жить вместе. Надо чаще встречаться. И словно в ответ на мой призыв в антракте в буфете к нам подошел Николай Бардамай. Он приехал на открытие театрального сезона. Я рассказал ему о своем Альт-сталкере. Николай видел его в Барнауле на вокзале. Иногда он играл в переходе, ему давали неплохо. Все это лето музыкант где-то пропадал. Так, значит, строил гостиницу в Усть-Коксе? Там у Николая был знакомый авиадиспетчер — да, при Советской власти в долину можно было добраться за 40 минут самолетом АН-2. В общем — тетради он раздобудет. И все продолжится через год. Но сначала я расскажу вам о том, что было на год раньше. Потому что сегодня меня осенило! Было предвестие! Я видел его раньше! Как вспышка в памяти возникла первая встреча с Алтайским Сталкером. Это был точно он. Или он такой не один? Как на зеркальной речной ряби много отражений солнца, так и в неровном нервном зеркале повседневности возможно множество отображений некой музыкальной фразы демонического альтиста. Неведомой силы нечеловеческой музыки. Но может ли одинаково звучать скрипка в других руках, если ее звук неразделим с человеком?

Впервые музыка его нашла меня в подземных переходах на вокзале утреннего Санкт-Петербурга. Звучало что-то из капричос Паганини. Мне хотелось, чтобы это замолчало. Потому что был в крайне раздраженном состоянии, вел за собой группу из пяти подростков, которых своей властью снял с дальнейшего пребывания в летнем лагере для юных журналистов. Почему в край-

нем раздражения??? Тот, кто знает, что такое ныне молодежный отдых, тот такого вопроса мне не задаст. А для тех, кто никогда не смотрел рекламу теле-шоу «Дом-2» или никогда не посещал клонирующие его нынешние молодежные лагеря, для этих несовременных людей дам небольшую саркастическую зарисовку.

Все началось еще в поезде «Астана—Санкт-Петербург». Бережно переданные мне родителями примерные девочки очень быстро, под предлогом летней жары, сняли с себя почти все. Чем вызвали бурное наводнение в наш вагон дембелей из соседнего плацкартного. Пока пелось под гитару без пива — пиво я категорически запретил, — было терпимо. Дембеля вели себя достойно, девочки пристойно прикрылись простынями. Не совсем вешний сад, но тоже праздник первой любви, может быть?

Но вечерело очень быстро. Когда я пошел в вагон-ресторан, дабы распорядиться насчет ужина группе, в тамбуре увидел сцену, которую в ортодоксальные советские времена внесли бы в протокол милицейской хроники как публичное...

Как это сейчас понятно назвать, если не матом, я не знаю. По старинке принял меры. Подал дембелям команду «Р-разойдись!». Ушли автоматически,отреагировали на голос мой командный или, что вероятнее, из уважения к сединам. Девочка, которая была не из моих подопечных, огрызаясь, вихляя тощей фигуркой, тоже пошла в свой вагон. А я нашел капитана, которому коротко сказал: «Закрыть ваш вагон с двух сторон или в Вологде нас встретит патруль. Я сам вологодский, за своих — отвечаю». Таким образом, в течение получаса праздник дембельской песни финишировал. К большой радости моих приличных мальчиков. Которые, пока я перекрывал границу, успели попить пивка с обиженными обнаженными девушками, и новые союзы одиноких сердец уже расцветали по всей земляничной поляне нашего вагона. Нас было в нем два отряда из разных городов. И трое взрослых, не считая уже пьющего пиво с молодежью сопровождающего из соседнего вагона... — н-да...

Плацкартный вагон цвел, как общественный эдемский сад. Где, яко два архангела гнева, курсировали мы с женой, а о деталях нашей проповеди можно написать только на скрижалях. У меня и сейчас скрежещет внутри оная вагонная проповедь. Уже когда всех удалось уложить, я вышел перекурить это дело и услышал, проходя в тамбур, шум весьма одиозного характера из вагонного ватерклозета. Я вернулся в вагон и обнаружил отсутствие своих двоих мальчиков... Шок!!! Жду. Все закончилось, когда я выкурил третью сигарету. Дверь открылась. Отлегло. Там была еще и одна

девочка из дружественного отряда. Кроме двух моих мальчиков. Честно скажу — у меня отлегло. Не знаю, что лучше чего, но тогда почему-то стало легче. Просто сказал — «Об-ба. Ут-тром. Сразу. Д-домой». Трое у меня уже были записаны на отправку за первые сутки пути. Вот с этой пятеркой, отчаянной вчера, а сегодня как в воду опущенной, и двигался я, сумбурно, по подземным переходам. В сторону неких, как мне пояснили, особых касс, где, может быть, можно будет вычленишь из групповой заявки на обратную дорогу шесть билетов. Найти кассу было трудно. Шел ремонт. Мы запутались в лабиринте и, честно говоря, я очень плохо соображал после трех бессонных ночей в поезде.

И пришла музыка. И мы остановились в каком-то вскрытом провале, было видно, как бежали мелкие белые облака, рассыпая короткий петербургский дождь, а из полупустого перехода, где почти никто не ходил, звучали эти нервные звуки. Капричос Паганини. Почему этот человек играет там, где не ходят? Был бы один — плакал бы и слушал. Но мои арестанты стояли за спиной. Обернулся. У них были человеческие лица. Один сел на грязный пол и обхватил голову руками: «Что я вообще здесь делаю?» — говорил он себе, покачиваясь. А его друг спросил: «Можно я пойду дам скрипачу денег?» Я разрешил. Но тут заорала громкоговорящая связь: «Начинается посадка на поезд Санк-Петербург—Барнаул...» Музыкант уложил скрипку в футляр и убежал на посадку. Мой парень вернулся и принес синюю тетрадку — точно такую, какую я, три месяца спустя, найду в Уймонской долине. Тетрадка осталась в картонной коробке, куда обычно кидают деньги уличным музыкантам. Может быть, злой школьник пошутил, подал на бедность тетрадку с двойками, поиздевался? Нет.

«Граница между достойным и недостойным очень извилиста; лишь сердце может найти путь через все извилины мозга».

— Ваша жена это говорила нам вчера, — удивленно сказал один из юных поэтов. — Слово в слово.

— А ты помнишь хоть слово? Из того бисера, что мы рассыпали перед стадом свиней? — резко спросил я. — А помнишь, что ты ответил?

— Да. В нас видят плохое только те взрослые, которые проецируют свои ошибки на нас. Которые сами делали в молодости еще хуже.

— Спасибо за прием в стадо. Но снова отвечаю — ты не прав. Легко поясню. Как художник художнику, поэт поэту или просто — творческий человек творческому. Был один замечательный французский поэт. В борьбе с врагами революции он стал палачом. И потом смог работать только мясником.

— При чем здесь мясо?

— При том же. Подобное к подобному. Закон Божий, закон нашего мира. Запах крови притягивает карму мясника. Группенсекс в ватерклозете делает людей материалом для ассенизатора. Любовь, если познается через... Но о себе. О своем месте в ноосфере. Моя защита — мои стихи. Моя стена от грязи, мой барьер, который я если бы перешел... Ты ведь читал мои стихи?

— Мне многие ваши стихи не нравятся.

— Мне тоже. Да вот исправить сюжет не могу — я журналист по жизни. Не мастер фэнтези. Но — о главном — поясню чисто технологически, как художник художнику. Ты знаешь по себе самому, можно ли соврать в стихах? Да, если захочешь, то и самому себе соврешь. Ну — а зачем? Зачем уродовать душу, которую отдал этим строчкам? Не за деньги же пишешь — просто для души. Над белым листом она одна перед Богом.

— Нет! Не согласен! Не только молитва, если стихи! Надо все испробовать!

— Пробуй. Но помни. Не от всего можно отмыться. Это в детстве Богом дается — закрыл глаза, а проснулся — и этого не было. И все равно живой. Для взрослых же отказаться от памяти — страшная вещь. Как от жизни... Ладно, хватит философии, господа писателя. Вернемся к делам нашим скорбным. Денег на отправку команды у меня нет. Даже прокормить я вас смогу дня два, от силы. Урон детскому здоровью воспитанников педагог наносить не имеет права. По закону. Под суд не хочу. По объективным обстоятельствам меняю решение. Звоню из Питера вашим родителям, пусть приезжают и забирают. Корм в лагере вам оплачен. Оплачу вам электричку до Комарово, дальше — пешком. Такая уж крутизна моих денежных средств. Кру-у-гом марш! Пошли на вокзал, господа юные дарования...

Да-с, «за лето Питер нас...».

Параллельные миры существуют прямо здесь. Я не возненавидел лагерь «Питер-2002», ибо он подарил мне знакомство с последними достижениями интеллектуальной элиты Санкт-Петербурга. Из первых рук научного секретаря «Интеллект-Клуба» нашей Северной Пальмиры, профессора Петра Михайловича Коловангина. В Комарово мы жили в соседних комнатах пансионата, у нас была общая открытая лоджия на третьем этаже. Здесь, вечерами, мы пили большими глотками чистейший сосновый воздух, напитанный влагою Финского залива. И говорили о славянах времен книги Велеса, о гиперборейских корнях движения из варяг в греки, о перекрестном движении по этой равнине человеческих лавин на

Восток и с Востока — ариев, руссов, хунну, монголов. И о судьбах современной земли Русской в контексте доподлинной истории земельного права на исторически обозначенной Руси. Достаточно предметно говорили, ибо Петр Михайлович работал здесь, в Комарово, над монографией по заказу Государственной Думы РФ. Факты, определяющие предмет нашей беседы, были разложены по рабочим темам на столиках, только руку протяни.

Такое, знаете ли, ощущение... Снова расцветает цветок Дао в моей памяти. Как будто эти несколько недель мы прожили в Касталии, на воздушном острове посреди мыслящего океана ноосферы играли в Бисер... А внизу, у подножия трехсотлетних деревьев, жизнь в молодежном летнем лагере протекала пребурливо. Ситуацию для меня прояснила газета «Комсомольская правда», которую привез из города удивленный Петр Михайлович. Накануне был День молодежи, мы прошли в составе молодежного парада по Дворцовой площади, наши фото украсили первую полосу «ПравДЫ». И текст подводки гласил — «В Комарово открылись трудовые лагеря для трудных». Чем Коловангин был несколько шокирован — в его контракте не было указано, что творить профессору доведется в лагере для юных правонарушителей. Ну и мы с женой как-то не соответствовали его понятию о тюремных надзирателях.

Шок мой был соизмерим, ежели не на порядок глубже! Поясню. Дело было в том, что нам с супругой, как руководителям детско-юношеской творческой программы, согласно официальному письменному предложению, для этого лагеря было поручено сформировать группу творческих подростков с целью обучения основам журналистики. И мы сформировали эту группу, с трудом уговорили родителей изменить обычные планы семьи. Более того, — помня, как самого меня в возрасте 10 лет учили в Артеке, в благодарность памяти о раннем начале своей творческой судьбы, весьма значительную часть собрал я совсем юных, еще без паспортов, со свидетельствами о рождении. И куда мы их привезли?

Днем они ходили и кричали кричалку: «За лето Питер нас сплотил, пришел, увидел, победил!», а мы с женой изучали программу обучения, пути к рекомендуемой победе. Знакомились с преподавателями. Что характерно — дисциплину «Проблемы подросткового секса» читал мальчик лет 19, с заячьей губой и нехорошей кожей. Он мне сразу пояснил, что ни о чем со мной говорить не будет, ибо я враг нового народа, бесполезный представитель той бесполой страны, где секса никогда не было. Что я ему ответил — повторять неловко.

Не ханжа я. Посещал в деревне сеновал. В свое студенческое время. Парни, девки, праздник Ивана Купала. Гольшом через костер прыгали. Как-то решала половозрастные проблемы еще языческая Русь. Каждое время эти вопросы решает по-своему. И, может быть, очень современный, голливудский способ обучения, как без проблем обналчить честь смолоду, может быть это и правильно? Единственное, что меня смущало, — как я смогу убедить родителей, что они получили при моем содействии именно то, что надо? Не то, что я обещал, а гораздо лучшее обучение? Особенно в темное время суток. Методические указания молодежных программ меня убеждали, что сама новая жизнь требует, чтобы дети получали не яблоко Змия, не русский сеновал, а американский яблочный пирог. Нынешнее поколение несоветских людей будет жить при капитализме.

— Нет! Это не решение проблемы, это преднамеренное обострение болезни, — легко профессор Коловангин переубедил меня. Привез из Питера специально для нас с супругой журнал со стенограммой четвертого заседания ведомого им Интеллект-клуба. Март 2002 г. Под председательством известного мне академика Алексея Ивановича Муравьева, редактора ехидно разумнейшей газеты «Комментатор». ...Какая встреча!!!

Это был еще один подарок судьбы. Работает закон «от подобного к подобному». Получается — я давний сотрудник Интеллект-клуба, ибо через друзей распространял газету «Комментатор» у нас в Сибири в начале 90-х. Замечательное издание было. Диапазон воззрений о мироустройстве от Платона до Планка, комментарии острым языком Сократа. И гонорары за эту благоую антикоммерческую деятельность мы получали подобные Сократовым. Не чашку цикуты, а попроще... — ну да что там о нас, давайте о них, о принципах новой Атлантиды. Рекомендованная нам с супругой к прочтению тема именовалась «Информационные угрозы социальному здоровью общества и их учет в деятельности правоохранительных органов», доклад М.Н.М., профессора института ФСБ РФ. А сама книга стенограмм Четвертого заседания «Интеллект-клуба» называлась «Проблемы обеспечения безопасности России и пути их решения». Цитировать доклад не буду. Поскольку я не встречал впоследствии этого материала в периодической печати, нет его и сейчас в Интернете. Если вы испытываете большое уважение к статусу организации ФСБ, такое же, как и я, то поверьте этой информации априори.

Мои молодежные проблемы определены ученым миром как психосоциальные вирусы. Которые очень легко передаются,

проще, чем воздушно-капельным или половым путем, поскольку не материальны. И легко разрушают естественную жизнь. В частности, патологии в культуре переходят в патологию здоровья нации. Разрушают механизм «исторического здоровья» народа. Потому что если о мире людей сами люди начинают говорить как о мире животных...

«...И они положили скота во главу угла и его именем творят суд и расправу» — это уже не из доклада ФСБ, это из уничтоженного КГБ сочинения Якова Голосовкера «Запись неистребимая». С другого берега одной реки. Отдельные страницы рукописи были опубликованы однажды в общедоступном журнале «Вопросы философии». Всего однажды и только отдельные. Мы не хотим видеть болезнь, потому она повторяется.

Здесь, в Комарово, прогнозируемая учеными патология пришла к своему апофеозу на второй неделе жизни молодежного лагеря. Подробности не нужны. Понятно и без того, что вагонные цветочки, щедро политые курсом «американской любви» — в кавычках, потому что псевдо, потому что это Лав Америка глазами русского... И шалили дети по полной программе фильмов ужаса. Например, одного смешного мальчика, который бегал и всех целовал, всех подряд, его, как мне сказали дети с нехорошей усмешкой, какие-то злые люди посадили в муравейник. А двух девочек мы с трудом отловили за 20 км от лагеря, они, по их уверению, просто ехали в ночной бар, правда, денег с собой не брали. Просто оделись очень легко. Охране пришлось с трудом успокаивать их крутых дорожных сопровождающих... Ну и так далее.

Наша же группа из этого взрыва эмоций вышла сравнительно легко, только одну девочку пришлось положить в неврологический стационар в Санкт-Петербурге, в больницу Раухфуса. Этой ценой остальных детей нам вернули в безраздельное пользование, ибо некем было заменить уволенных за ... все хорошее ... «припадателей». И мы ездили каждый день навещать свою подружку, а потом бродили по Летнему саду, по набережным, музеям, дворцам, храмам, посещали редакции молодежных и детских изданий. Однажды я читал детям стихи у могилы Ахматовой, ее и свои — в общем — мы все-таки учились поэтике и журналистике.

Перед выпиской девочки меня попросили задержаться в клинике, исполнить обязательства в части охраны прав ребенка при проведении беседы с приглашенными консультантами. В ходе беседы мне понадобилось кое-что записать, я достал из портфеля первую попавшуюся тетрадку, со слов написал карандашом на чистой титульной страничке адреса, телефоны и т. д., передал по журналистской

привычке запись на сверку специалистам. А это была синяя тетрадка «сталкера». Ее узнал профессор Н.Н., сразу определил почерк своего пациента. Бывшего. Он ушел. Отпущен, поскольку не представляет угрозы для общества. Просто потерял память. Потерял себя. Его записи? Обычная библиотерапия. Значит — направление на Барнаул, на Алтай? Может быть, что-то вспомнил...

Компас снова показал на Алтай. Почему «снова»? А потому, что и профессор Коловангин много рассказывал нам про Алтай, он имел алтайские корни, его предки были из Кольвани. Вот, пожалуй, и определились для меня самого первопричины нашей неожиданной поездки на Алтай, корни решения встретить мое 50-летие у порога Беловодья. Была подсказка от очень хороших учителей.

В поезде, возвращаясь домой, я несколько раз читал синюю тетрадку, но не всю успел прочесть, так как работы было много, «школа Комарово» все-таки усугубила многие молодежные проблемы. Хотя с малой группой было легче. Часть детей родители забрали в Петербурге, часть в Москве, а в Екатеринбурге я передал маме и пострадавшую более всех девочку. Тетрадку с адресами консультантов тоже отдал. Интересная тетрадка, несколько выписок оттуда я сделал.

Вот эта мысль, например, очень меня утешила в том плане, что я всегда считал себя человеком безвольным, а может быть, и зря:

«Понятия воли должны быть твердо осознаны и разграничены. Мозговая воля сделалась оплотом Запада, тогда как Восток остался в твердыне сердца. При внушении гипнотизер Запада употребляет волю, напрягая центры конечностей и глаз, но эта эманация не только скоро исчерпывается, но и приносит утомление и, главное, действует на очень незначительном расстоянии. При волевых посылках невозможно пространственное достижение. Но сердце Востока не нуждается в напряжении конечностей, не нагнетает без нужды энергию, но шлет свои мысли без ограничения места. Сердечное внушение, как естественный канал сообщения, не наносит вреда внушающему и принимающему. Западный способ постоянно заметен извне, но восточное делание не имеет ничего внешнего, наоборот, внушающий не смотрит на получающего, ибо в сердце имеет образ назначения. Много несомненных преимуществ сердечного делания, но для него нужно прежде всего осознать значение сердца. Мощь сердца преодолевает решительно все.

Сердце может знать смысл событий дальних.

Сердце может летать, укрепляя нужные союзы.

Сердце может приобщиться к дальним мирам.

Пробуйте это лишь посылкою воли и познаете разницу воли сердца».

Вот-вот. Неодолимую волю сердца. Лично я всегда могу пойти на компромисс, согласиться с разумными доводами. Но если это делание противно сердцу — все. Разум мой зудит и злится, желания колотятся о стенки черепной коробки, резко повышая давление, но ребенок сердца моего только грустно улыбается, и поделаться с собой я ничего не могу. Эх... из таких денежных дел приходилось выходить... Но — увы — прямо-таки заболеваю. Сначала держался дружбы с большими людьми, но когда и водку душа перестала принимать... Да, сильная это штука — воля сердца.

В тетрадке пояснялось, что я такой не один: «У многих чувствознание Вечности отсекается устремлением к саможалению. Но повторено во всех Учениях о тяготе плоти, чтоб устремить внимание к преимуществу духа. Нужно принять Учение как начало к истинным преимуществам, которые не могут быть отчуждены. Нужно оценить, как Учение углубляет сознание и действительно дает в жизни возможности, если они не отвергнуты. Это простое соображение редко принимается во внимание: люди предпочитают жаловаться в пространство, вызывая на себя каменный дождь. Но не утруждать будем, иначе скажут о недостатке любви. Явлению любви люди приписывают такие странные обстоятельства, что кажется, что их любовь живет на Монетном дворе! Между тем нужна любовь для пути в Беспредельность».

Тут мне многое непонятно. Но очень близкой мне оказалась фраза про каменный дождь. Очень похоже на то, что я видел в своем путешествии в Древний Египет, мысленном, конечно, когда писал «РА»:

«Зачем вы к нам пришли, Учитель? / Жизнь наша ясна и безбожна.
/ А вы приходите, стучите / В полночный колокол всенощно. / И мы выходим, злы спросонья / И под рубахой тело чешем / А неба черное бездонье / На землю сыплет дождь нездешний...»

Да уж... Ведь действительно — летит наша маленькая планета через страшный каменный дождь. И не нужно без толку толкать-окликать Того, кто отворачивает эти камни. Интересные мысли приходят, когда читаешь эти свои старые записки и выписки. Почему я не сообразил, что можно оторвать и отдать всего одну страничку? Или эта тетрадка была дана мне с целью, как часть библиотерапии, как лекарство для лечения сердцу девочки, излишне чувствительной к психосоциальному вирусу? Очень уверенно мне вернул синюю тетрадочку доктор в клинике Раух-

фуса. Может быть — эти записки Сталкера — именно то, что доктор прописал? — как говорится...

...Нас встретили на маленьком северном вокзале. Наша внучка тоже встречала. И села к нам в большой автобус. Интересно ведь ехать, когда с мигалками сзади милицейский эскорт сопровождения детской группы. Детская группа, половину из которой дома ожидала встреча не с цветами, а с ремнями, по моему разумению, естественно, эта веселая детская группа дружно мстила нам. Придумали сильно — через внучку. Юные дарования запели очень громко какую-то похабную песню на мотив «Чебурашки». Честно сказать — я сначала не обратил внимания или уже привыкши был? И когда внучка сказала: «Мне не нравится, что они поют», я отвечал — «А ты слушай нас с бабушкой». Но прислушался и юных певцов уведомил — или спокойствие, или начну сдавать ментам прямо на посту ГАИ. Достал мобильный телефон и сделал звонок другу — пока я говорил по телефону, ребята орали вообще во всю глотку.

Но шутка сразу сработала! На посту ГАИ нас остановили. «Митька! — на выход!» Начальник поста был крайне изумлен, принимая из автобуса своего абсолютно трезвого племянника. Парень и дома редко бывал трезв. Это был не поэт, это просто по нормативу нам 10 процентов в группу давали учетников по линии КДН, комиссии по делам несовершеннолетних. Зря, по-моему. Эти ребята работали, как дрожжи в растущем лагерном тесте... Мои воспитанники попрощались с ним тихо, испуганно. Не было уже привычных слез ручьем и объятий, как это происходило на выезде из лагеря, потом на вокзалах, при раздаче детей из группы. Тогда рыдали дети, плакали, глядя на них, родители... Каждый о своем. Вот уж сколько лет прошло, а я все никак не решусь пояснить мамам, о чем плакали их мальчики и девочки. Да и не надо. Зачем вспоминать? Стало тихо. Певцы утомонились. По жестяной крыше автобуса весело застучал летний дождь. Может быть, и в Комарово не было ничего, кроме утешающего шума дождя..?

Короткий петербургский дождь / прошел деревней Комарово / он сбросил вниз три звонких слова / короткий петербургский дождь

Уходит быстрая вода / за грани Финского залива / за трепет солнечных разливов / уходит быстрая вода

Опять по листьям шелестит / опять вернулся этот трепет / всеночный свой вершит молебен / опять по листьям шелестит

Уходит белый свет ночей / утихомиривая душу / как трудно беспокойство слушать / уходит белый свет ночей

Короткий петербуржский дождь / а будут долгие метели / а был ли он на самом деле? / короткий петербуржский дождь

***

Был, был, конечно, был. Ибо не смывает суета нынешнего торопливого рынка то вечное, чем хранима Русь. Давайте вернемся еще на год назад и не по службе снова побываем в Санкт-Петербурге, вместе исполним давнюю мечту, посетим один из Островов Небесного Огня.

Твердыня Валаамъ

Само словосочетание — остров Валаам — звучит колокольно. Библейское имя близ ледовых гиперборейских полей. Лазурные купола на ладонях Ладоги. Колокола затонувшего града Китежа звучат в сумеречное время из этих тяжелых вод. Гулкие, громopodobные раскаты, доносящиеся из ладожских глубин, местные рыбаки именуют — бронтиды, — слово, возможно древнегреческое, а может быть — и того древнее — из наречий народов Атлантиды. Если слово — лишь пылинка от удара творческой мысли, то сколь могуча была мольба человека, которую воплотил Творец в ответном даре небес

...Корела, ворота Валаамские. Три дня штормила Ладога. Холодные тяжелые волны катились по огромному озеру. Пуст был православный причал на островке перед городом Приозерском. Каждое утро выходил к нам навстречу широколицый бородатый сторож: «Нет сегодня корабля. Но будет. Должен быть еще один рейс перед окончанием навигации».

Осень позолотила аллеи в старом парке Приозерска, порывы ветра рассыпали мелкий дождичек. Мы укрылись от непогоды в музейном крепостном комплексе «Корела». Маленькая, но очень гордая крепость. У ворот справа — русский штандарт 1310 года, слева — финский штандарт 1254 года. А внутренние ворота обиты нагрудниками шведских рыцарских панцирей в 1703 году. Великий царь Петр Алексеич повелел обшить оным украшением ворота сии. Назло надменному соседу. Дело, конечно, прошлое, но и вчера еще шведский посол с негодованием отвернулся от этого памятника старины, с улыбкой рассказывают работники музея. А кому приятно? Великую Британию крепко утюжили, до американской Гренландии смело добирались могучие варяги, а тут, у себя,

почитай, дома получали от ворот поворот. Может быть, потому и ходили в Атлантику воевать? Ведь здесь издавна пропускали «в греки» через русские засеки только торговых гостей.

Волны истории еще более тяжелы, чем волны Ладоги. Откаты-вались от этих берегов славянские поселенцы не раз. Тихие карело-финны сжигали русские деревянные засеки и заселялись в свой пограничный городок, который звали «Какисаама». Что и отмечает штандарт-1254. Может быть, так бы оно и было на века, если бы Русь по сей день была монгольским улусом. Но ушла монгольская волна, растеклась по огромной Среднерусской равнине тьма народов, посланных могучей волей правителя Великой степи. Обновленная азиатской кровью славянская империя повернулась лицом на Запад. И в 1310 году вновь российский флаг водружен на главной башне Корелы.

Новые смутные времена обуяли Русь, опять сюда пришли шведы, заставили местных поселян построить на месте засек добротную каменную крепость. Которую, в порядке освоения Балтики, прибрал к хозяйским рукам Петр Великий. С тех пор граница ушла дальше на север

зв Ш горна,

дасьМ

нааи

и

с овъь к и

н

□

п по

Свидетельниц пугачевского бунта с удивлением встретили здесь герои-декабристы. Дворянин Кюхельбекер в письме из этих застенков гордо сообщал друзьям, что мог бы жениться здесь на принцессе российского престола. Если бы, конечно, не был истинным демократом по духу. Почему-то даже в учебниках советской эпохи не был описан этот стык двух периодов русской революционной истории — декабристы и семья Пугачева в одной тюрьме. Такой выигрышный политический брэнд преемственности бунта! Но, конечно, слишком добродушным выглядит кровавое самодержавие. Даже в гуманной Европе в те времена казнили бы всю родню неудавшегося претендента, а у нас на казенном довольствии держали зачем-то. Был и такой скандал: младшая Пугачева родила ребенка от одного из комендантов крепости. Младенца Господь прибрал, чиновного любовника перевели в Сибирь, на какое-то время был введен строгий режим содержания красивой узнице, а затем все опять потекло плавной чередой одинаковых дней тихого забвения, вплоть до упокоения всех Пугачевых на крепостном погосте.

Три дня мы листали страницы далекой и близкой истории. Читали древние карты Валаама. Финское название острова — Валамо. Это название созвучно для древних славян имени бога Велеса, для викингов — это отражение имени обители богов и павших в битве героев — «валгалла». Мы очень мало знаем о дохристианской истории северных народов, но, например, в Книге Числ первым провозвестником Христа назван волхв Валаам, сын Веоров, муж с открытым оком. В средневековом комментарии немецкого доктора теологии Иоанна Хильдесхаймского (XIV век) к этим страницам Ветхого Завета говорится:

«Сей Валаам начал волхвовать и говорил: рождается муж, который восцарствует над всеми язычниками. Из-за сего Валаама произошла распря между иудеями и христианами. Ибо иудеи говорили в своих книгах, что-де Валаам был не пророком, а пустосвятом. Христианские же книги говорят, что он был язычником и первым, кто чудесно провозгласил вочеловечение Христа и приход к Нему трех святых царей-волхвов».

А в те времена, когда Валаам чудесно пророчествовал, «сыны Израилевы бежали из Египта и покоряли себе все близлежащие земли, и страх и трепет пред ними охватил все народы Востока, и во всех царствах восточных никто не дерзал и головы поднять». И тут язычникам предрекается сильный, объединяющий всех

властитель: «Тогда все старейшины и весь народ Индии и Леванта уповали, чтоб сие сбылось». Естественно, люди Моисея пресекли эту агитацию: «Убили Евия, Рекема, Чура, Хора и Реву, пять князей мадиамских, и Валаама, сына Веорова, убили мечом сыны израилены».

В этой записи из Моисеева Пятикнижия рядом с именем Валаама звучат привычные для славянского читателя имена — Чур (бог очага). А Хор и Рев — чем не Хорив? Помните — Киев основали Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь? Можно считать это созвучие случайным, а можно и предположить, что и сам Валаам из наших, и князя рядом с ним — тоже братья-славяне. Есть и такая версия библейской истории на данном историческом этапе.

Мы привыкли считать, что христианство на Руси началось с крещения киевлян князем Владимиром. Однако св. апостол Андрей Первозванный уже в I веке утвердил крест на валаамских скалах. Предание народное указывает место на берегу Ладоги, откуда отчалила ладья Ондриева на Валаам — близ села Одринцево. Пришел сюда апостол не случайно: были здесь уже святилища язычников, места почитания древних богов. Христиане стремились передать веру в Единого Бога Отца Небесного, именно людям, почитающим силы Матери-Природы. Апостол Павел, бывший Савл, сам называл себя — «апостол язычников».

На севере вера в нового бога приживалась нелегко. Наши язычники были не такими уж темными людьми. Была у них даже своя, руссо-руническая письменность. Огромный камень-валун лежит на дороге из Валаамского монастыря во Всехсвятский скит. На валуне сейчас стоит каменный крест XIX века. А на поверхности камня сохранилась руническая надпись, состоящая из девяти выбитых на камне знаков. Валун, таким образом, является «знаменем», как в Древней Руси называли предметы, отмеченные подобными знаками тайнописи. Наиболее вероятной представляется расшифровка: «Божества твердыни таинство незабвенно». Вполне возможно, что надпись говорит о таинстве христианского Бога. Потому и зашифрована тайным русско-варяжским письмом, так как на самом Валааме в те годы располагались только языческие святилища. А сохранилась эта надпись потому, что была начертана христианами. Иначе быть бы ей уничтоженной почитателями новой истинной веры вместе с иными языческими знаменами.

Основание православного монастыря ученые относят к X веку (он, таким образом, оказывается древнейшим на Руси), но докумен-

тальных подтверждений в летописях этому нет. За исключением записи о прибытии на Валаам преподобного Авраамия Ростовского в 960 году. Отмечается, что Авраамий увидел весьма крепкое монастырское хозяйство. Поэтому некоторые ученые считают основателями монастыря кельтов, которые спасались здесь в IX веке от преследования варягов. Существует точка зрения, что монастырь сначала был посвящен Троице. Это не противоречит кельтской гипотезе: Троица особо чтится в Ирландии. Кстати, в книжной графике Валаама сохранились кресты характерной кельтской формы. Почему носители веры в животворящий Крест стремились в эти земли и воды со всех сторон света? Ныне наиболее почитаемые на Старом Валааме святые Сергей и Герман пришли с Востока. Но восточнее Валаама не было христианских церквей — известных ныне, — так, может быть, это были странники из числа искателей Беловодья? Неисповедимы пути земные человеческой веры в Отца Небесного.

Утром четвертого дня было радостно и многолюдно на монастырском причале. Из Питера пришли автобусы, привезли школьников. Дети шумели, смеялись, ели чипсы, пили из жестяных баночек «колу». Уже знакомые нам православные паломники сбились в отдельную темную стайку, отличную от пестрой толпы и одеждой самых скромных тонов, и напряженными спинами. Даже вологодская бабушка-хохотушка, которая еще вчера очень солнечно улыбалась, когда каялась во грехе излишнего веселия, и та как-то присмирела. А более опытная ярославская паломница надменно сокрушалась, что и на Валааме самом, за стенами обители святой, — народ вечно пьян и нехорош. Когда мы еще шли по берегу к причалу, видели, как с ее спиной яростно спорила девчужка родом с Валаама, которая нервно курила в стороне от общей группы. Она рассказала нам свою житейскую историю уже потом, на корабле. Обычная история деревенской девчонки в столице. В деревне Валаам люди живут не более святые, чем в деревне Ватикан. Рыбачат. Огороды возделывают. На рыбацких лодках, между прочим, вся земля на Валаам завезена, а Бог дал Ладоге только голый камень, круглый, как черепаховый панцирь! — запальчиво утверждала девушка, рожденная на Валааме.

В общем, в нашей небольшой группе мы оказались в роли интеллигентской прослойки между святыми и грешными. Курить захотелось жутко, но не накалять же обстановку накануне посадки. Я попытался пошутить со строгими старушками. Сказал им, что

и Христос не в монастырях искал учеников, а среди беспокойных рыбаков. И вряд ли в древние времена простой народ был более свят, нежели ныне. Получилось не смешное высказывание и не умиротворяющее, но все-таки замолкли спорящие. И пошли мы единым контингентом на наш ковчег: святые сестры, блудные дочери, среднего достатка предприниматели и мастеровые литературного труда.

Путь наш по волнующейся Ладоге занял добрых часа два. Погода резко менялась, налетали быстрые шквалы с дождем, постепенно усиливался боковой восточный ветер. Кораблик летел, лихо наклонившись набок. Берег с одной стороны был виден на горизонте почти час. Потом мы шли, как в открытом море. Пока не появились первые точки-острова. Качка усиливалась.

Мы пили кофе в баре и слушали простые человеческие истории о главном. Чем сильнее штормило, тем более честно говорили о себе наши случайные попутчики. Они пили коньяк, потому никуда и не уходил бармен — стал бы вообще кто открывать буфет для пары чашек кофею? Разговоры со случайными попутчиками это целый кладезь историй о поисках, потерях и обретениях. Но об этом как-нибудь в другой раз. Скажу только, что и для богатых и пьющих наше путешествие заметно отличалось от увеселительной прогулки на большом комсомольском теплоходе с дискотекой и кегельбаном, на котором и сейчас можно с комфортом прокатиться по святым местам за каких-то паршивых двести-триста долларов (от класса каюты). Такой роскошный трехпалубный теплоход мы встретили по пути. Это было, когда мы поняли, что цель путешествия близка: шалопутные школьницы дружно повязали головы платочками и натянули поверх вульгарно выпуклых джинсовых брюк вполне приличные юбки. Мы вышли на палубу.

Пожалуй, ни один из памятных мне островов так не поражает своим отличием от близлежащего материка, как Валаам. Скалы — как стены. Рассечены многометровыми трещинами. Трещины пересекаются под прямым углом, создавая иллюзию каменной кладки. И еще казалось, что дождевые осенние тучи обложили всю Ладогу и только над островом светит солнце. Появились отметки человеческого делания. За тысячелетия существования монастыря здесь возникло без малого два десятка скитов — среди лесов и фиордов Валаама и на дальних островах архипелага. Три вершины вздымаются из ладожских вод вокруг Валаама: с северо-востока — Святой остров, с северо-запада — Предтечный и с юга —

Дивный. На Святом скит преподобного Александра Свирского. На Предтеченском — Иоанно-Предтеченский скит. На Дивном скита нет, там стоит поклонный крест посреди языческого круга камней. Рядом с Дивным — Емельянов остров, где совсем недавно располагался скит преподобного Авраамия Ростовского — с 960-го по 1920-й пребывал здесь этот скит.

На острове Святом, на береговом обрыве, сохранился деревянный крест середины XVIII века. Он хорошо виден с корабля.

расписные камушки. В общем, было что купить на память нашим веселым школьникам.

Мы сверились с картой острова и пошли в Никольский скит, ближайший к причалу. Менее часа ходу через поселения рыбаков, небольшой лесок, сумрачное ущелье, две протоки. Калитка скита была не заперта, но без благословения настоятеля входить туда было неразумно. Об этом нас предупредили доброжелательные послушники, огромные ребята в черных рясах и армейских ботинках. Они весело работали, что-то укрепляли, строили. Говорили с нами очень просто о самом сложном, но при этом улыбались с некоторой ласковой хитрецей, будто бы им было известно еще что-то. Может быть, может быть... Вера — личное дело каждого. Много людей посещает эти острова. Мало остается здесь. Много званых, да мало избранных.

Мы прошли по новенькому деревянному мосту, срубленному крепкими послушниками, и вышли на голый каменный берег. Твердь предстояла — выпукло и сильно. Стальная вода и вольный ветер над раздольем Ладоги. Ощущение оси времен. Стоишь на панцире старой черепахи, рядом стоят три слона, на плечах своих они держат Землю.

Зазвонили колокола. Мы вернулись в монастырские врата. Испросить благословения нам так и не довелось, отец настоятель был в трудах, но нам открыли дверь и мы вошли в белый сводчатый зал к главной святыне храма — усыпальнице Сергия и Германа. Именно сюда перед большими делами приходил Петр Первый. А неделю назад здесь был Владимир Путин.

Каменная рака покрыта современным бронестеклом. У меня был с собой образок Архистратига Михаила, подаренный мне строителями одноименного храма в Ноябрьске. Достал я из нагрудного кармана деревянную плашечку, приложил ликом к стеклу. И вдруг почувствовал, что дерево у меня под пальцами нагревается очень быстро!

«Хоть бы пожару здесь не наделать!» — подумал я и отдернул иконку от гробницы.

Потом уже, за порогом храма, на обратном пути по бушующей Ладоге, я попытался записать впечатления, придать логику своим действиям, своим словам и движениям духа без слов. Осознать тревогу предчувствия возможного ответного дара с высот. Но об этом мы не умеем говорить в повседневности, да и в высокой вдохновенной творческой жизни такое не часто удается. Нам ведь в обычной человеческой жизни, иногда дается только дар любви земной. Редко.

Хорошо, если его удастся вынести и донести. Ритм ощущений облечь в слово, которое, как уже было сказано, не более чем пыль от удара творческой мысли.

«Отчего же печальная чаша Твоя не приносит душе упоенья?»

Испросил я. И голос во тьме воссиял. И ответил Огонь на моление.

И нельзя повторить тихих слов за свечой, ибо звук не подобен горению.

Просто было легко. И еще — горячо, там, где жил и потоков сплетенье.

И да все перейдет и пребудет сполна. И да радость души донесу я.

И да речь любви будет слаще вина. И да чаша сия не минует.

***

Есть нечто общее между спокойными водами Валаама и катящимися камнями Катуня. Есть некое единство помыслов в хаотичных поисках человечности альтиста-сталкера и спокойном восхождении к божественному послушника в монастыре. Как правильно отметил в своей синей тетрадке торопливый скрипач (хотя — это не в его стиле мышления, он это переписал из книг, или это сказал ему Сензар, я полагаю):

«Феномены, участниками которых вы были, требовали спокойствия, но можно было заметить, что кроме спокойствия требовалась еще какая-то нагнетенность. Это условие составляло как бы нагнетение энергии по закону насоса. Потому правильнее было бы сказать, что для явления феноменов нужно насыщенное спокойствие».

Я бы добавил — насыщенное огнем спокойствие. Именно так возникает твердь земная, когда красный огненный язык из земного ядра превращается в литосферу. Когда встречает на своем пути незримый, но более сильный огонь. Мне видится, как по красной поутру или желтовато-бурой посреди дня железистой глине идут огненные глаголы, которые в этой зыбкой мокрой глине выжигают терракотовую твердь, Острова Небесного Огня. И возникает Глаголитерра.

Я пока рассказал вам только о двух кратких, однодневных прикосновениях к таинственному Огню. А в третьем путешествии десять дней мы слушали Великую Тишину на одном из великих островов Глаголитерры — на Ольхоне, на Байкале. Это был уже новый виток приближения, пролог к более серьезному сближению.

Созревают плоды красоты, августейшая осень при входе
Облака надо мною чисты, как оттенки небесных мелодий

Как рисунки воды на стекле проявляется сизое в синем
Как огонь на спокойной золе, при движении ветра несильном

Бог сегодня дал тронуть чуть-чуть затаенное в искорках пламя
И войти, и на огненный путь стать рукой и ногой, не словами

Пусть сгорят все пустые мечты и громоздких творений ошибки
Ведь не знаю путей Красоты, но иду к свету Божьей улыбки

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

Антология
короткого рассказа

- 4 . . . . . Михаил Порядин
42 . . . . . Анна Котова
57 . . . . . Ирина Монахова
72 . . . . . Владимир Угод
84 . . . . . Алиса Анцелевич
92 . . . . . Сергей Семенов
101 . . . . . Елена Ковалева
112 . . . . . Юрий Пейсахович
117 . . . . . Нина Майорова
146 . . . . . Евгений Гусаченко
166 . . . . . Валентина Лунева
195 . . . . . Кирилл Рожков
236 . . . . . Элизабет Конгр
284 . . . . . Alma Waqan
296 . . . . . Алексей Зотиков
307 . . . . . Мария Зутикова
314 . . . . . Натали Браво
319 . . . . . Ярослав Самовидец
337 . . . . . Анна Тимашова
343 . . . . . Марина Сорокина
365 . . . . . Дмитрий Фролов-Буканов
376 . . . . . Татьяна Помысова

Глаголитерра

Глаголитерра

Т. Помысова
К. Санрин
И. Бойнова
О. Ершова

Книги: от рукописи до тиража
изготовление и распространение
е-mail: skifiabook@mail.ru
www.skifiabook.ru

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
191180, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 25
(812) 571-68-54
е-mail: skifiabook@mail.ru
www.piterbooks.ru

Возрастная категория: 16+; Подписано в печать 27.03.2013
Формат 60x90 1/16 . Объем: 24 усл. печ. л. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ №
Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург,
пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А